

Кострюк (7)

Архангельской губернии.

А во Тау́лий во го́роді,
А да во Таулии хорошом-е
А поизволил наш царь государь
Да царь Иван Васильевиць,
А поизволил жонитисе
Да не у нас, не у нас на Руси,
Да не у нас в каменной Москвы,
Да у царя в Большой орды,
Да у его на родной сестры
Да на Марьи Демрюковны.
Собиралса наш царь государь.
Да собиралса с цесным поездом;
Да и оттуль поход уцинил,
Да и оттуль ис каменной Москвы.
Ишше здраво стал государь
Да через реки быстрые,
Да через морё синёе,
Да через полё цистоё
К Кострюку в Бальшу орду,
К Кострюку сыну Демрюковицю.
Говорил его дядюшка
Да Микита Родомановиць:
«Уш ты ой еси, Кострюк-Демрюк!
Ишша мы к табе (так) пришли
Да не с боём, не с дракою;
Да мы пришли к тебе посвататъсе
Да у тебя на родной сестры,
Да на Марьи Демрюковны».
Они сватались, сосваталисе
По рукам они ударилисе
Да слóво нá слово полóжилисе.
Собирался наш царь государь
За столы-те за дубовые,

Да за есвы сахарные,
Да за напитки стоялые.
Пировал-жировал государь,
Говорыл его дядюшка
Ишше Микита Родомановиць:
«Уш ты ой еси, Кострюк-Демрюк!
Об чем слóво было мóвленоё,
По рукам удáреноё?»
А Кострюк поскакиваё,
А Кострюк поплясываё;
Он тому не ослышылсе;
Он выводит родну сестру
Да íно (так) Марью Демрюковну
Да за нашего прозвítеля царя
Да за Ивана-та Васильевиця,
Да за столы-ти за дубовые,
Да за напитки стоялые.
А пировал-жировал государь;
А оттуль и поход уцинил,
Да оттуль из Большой орды.
Ишше здраво стал государь
Церес полё цистоё,
Церес морё синёё,
А церес реки быстрые.
Ишше здраво стал государь
Во свою-то в каменну Москву
Да он ко церкви соборною
Да ко монастырям церковные.
Да они веньцями повеньцялисе
Да перснями поменялисе.
Ешше здраво стал государь
Да во свою ту в каменну Моск(в)у
За столы-те за дубовые,
Да за есвы сахарные,
За напитки стоялые.
Да пировал-жировал государь.
Говорил его шурина тут
Кострюк Демрюков сын:
«Уш ты ой, царь государь!

У вас есь ли в каменной Москвы,
У вас есь ли таковы борьци
А со мной поборотисе,
А с Кострюком поводитисе?»
А говорил тут царь государь
Да царь Иван Васильевиць:
«А любимой дядюшка!
Да, Микита Родомановиць,
Уж ты выйди-ко на улоньку;
Затруби-ко в золотую трубу,
Щобы цюли за рекой за Москвой».
Как выходит тут дядюшка,
Да Микита Родомановиць
Затрубил в золотую трубу,
Да уцюли за рекой за Москвой,
А учули три братёлка:
А первой брат Мишенька,
А второй брат Гришенька
Да третей брат Васенька.
Говорил как тут царь государь:
«А любимой шурин мой!
А у миня питья на столе,
А у миня борьци на дворе,
Когда есь вера боротисе
Да ис дани, ис пошлины
Да из наклáду великого».
А Кострюк поскакиваёт,
А Кострюк поплясываёт;
А Кострюк церес стол скоцил,
А Кострюк питья сплескал.
А говорыла как родна сестра
Да ино Марья-та Демрюковна:
«Уж ты ой еси, Кострюка-Демрюк!
А не ходи ты боротисе
А ты из дани, ис пошлины
Да из накладу великого».
А Кострюк паскакиваёт,
Он тому не ослышиться;
Он выходит на улоньку,

На крылецюшко красной,
А о перила облегайтесь.
А говорил как Мишенька:
«Уш ты ой еси, царь государь!
Мне-ка не с ким боротисе».
Говорыл как Гришенька:
«Уш ты еси, царь государь!
Мне-ка не с ким руки патраты¹».
Да говорыл как Васенька:
«Уш ты ой еси, царь государь!
Уш бы рад я боротисе,
С Кострюком бы поводитисе, —
Да я топёря со царёва кабака,
У мя болит буйна голова,
Да шипит ретиво серьце».
И наливают как цяру вина,
Да не велику, четвёртинною;
А подавают Васеньки,
Да выпивает Васенька:
«Да спасибо тиебе, царь государь!
А опохмелил буйну голову, —
А не окатил ретива серьця,
А не звеселил добра молотья».
А наливают вторую цару,
Да не велику, четвёртинною;
А подавают Васеньки,
А выпивает Васенька:
«Да спасибо тебе, царь государь
Да царь Иван Васильевич!
А похмелил буйну голову
А окатил ретиво серьце, —
А не звеселил добра молотья».
Наливают третью цару,
Да не велику четвёртинною;
Подавают Васеньки,
А выпивает Васенька:
«Да спасибо тиебе, царь государь!
А опохмелил буйну голову,
А окатил ретиво серьце,

Да звеселил добра молотья;
Уш я рад нынь боротисе,
Да с Кострюком-то поводитисе,
Я ис дани, ис пошлины
Из наклáду великого».
Они стали боротисе.
А в первы́ Кострю́к бросил,
А вторы́ Кострюк броси́л.
А как Вáсенька-то Хрóменькой
Он на ношку-ту справилса,
А за лопотья-ти зграбилса,
Он прырвал лопотьё всё.
А на руках он потрэхиваё,
До земли не допúскиваё.
А ишше думали: Кострюк-Демрюк,
А ино Марфа Демрюковна.
Да она проклиналасе
Да она заклиналасе:
«Да не дай, Бог, бывати здесь
А у царя в каменной Москвы
Да не детям бы, не внуцьятам,
Да не внуцьятам, не пáвнуцьятам²».

*(Записана А. Д. Григорьевым от крестьянки М. Д. Кривополеновой в
Пинежском крае, деревне Шотогорке. См. «Архангельские былины и
исторические песни», т. I, № 116)*

В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI-XVII вв., Петроград,
1915.

1 Кривополенова не знала значения этого слова. (Гр.)

2 Примеч. сказательницы: «Она всё воевала за брата, мушину».